

ОЦЕНОЧНЫЙ МОДУС В АРГУМЕНТАЦИИ ДИСКУРСА ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ СУДЕБНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ)*

Куликова Ольга Викторовна

Д.филол.н., профессор, МГИМО МИД РФ
ok517@yandex.ru

EVALUATION MODUS IN ARGUMENTATION OF THE PUBLIC SPEAKING DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF JUDICIAL ACTIVISTS' SPEECHES)

O. Kulikova

Summary. The article deals with some specific features of argumentation in judicial activists' public speeches as well as with a number of issues of evaluation in argumentative discourse, in particular, in rhetorical argumentation. The author identifies context types being the basis of the evaluation modus realization in argumentation of public speeches. The article also contains information related to the results of some judicial discourse research. The author draws a parallel between judicial discourse and public speaking discourse in terms of using the evaluation modus in speakers' argumentation.

Keywords: argumentation; evaluation; modus; public speech; judicial activist; judicial discourse.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности аргументации публичного выступления судебных деятелей, очерчен круг вопросов, связанных с оценкой в аргументативном дискурсе, в частности, в риторической аргументации, выделены типы контекста, лежащие в основе реализации оценочного модуса в аргументации публичных выступлений, представлены некоторые выводы исследований аргументации и оценки в судебном дискурсе, проводится параллель между судебным дискурсом и дискурсом публичного выступления судебных деятелей в плане использования оценочного модуса в аргументации выступающих.

Ключевые слова: аргументация; оценка; модус; публичное выступление; судебный деятель; судебный дискурс.

Аргументация представляет собой неотъемлемый компонент юридического, в частности, судебного дискурса во всем многообразии его жанров, к которым относятся речь прокурора, речь адвоката, речь подсудимого в свою защиту, речь потерпевшего, реплика как особый вид судебной речи [Бачалишвили 2013, с. 170]. В рамках судебного дискурса его участники в соответствии с их статусно-ролевыми характеристиками и интенциями применяют такие коммуникативные стратегии, как стратегия самозащиты, обвинения, защиты, нападения и психологического воздействия [Климович 2015, с. 5]. Успешное применение коммуникативных стратегий в судебном дискурсе в значительной степени обусловлено владением техникой ведения дел в суде, определяемой как «совокупность приемов, используемых при разработке содержания и структу-

ры представляемых в суде документов (жалобы, ходатайства, доказательства по делу и др.)» [Климович 2015, с. 3]. При этом одним из важнейших условий признается владение техникой аргументирования, адекватный выбор языковых средств, знание правил ведения критической дискуссии и оперирование ими на всех уровнях рассмотрения дела [Климович 2015]. Упомянутые выше стратегии направлены на повышение эффективности коммуникативного процесса в судебном дискурсе, что, в конечном счете, означает достижение запланированного результата.

Принадлежность выступающего к юридической профессии предполагает хорошо сформированное умение аргументированного изложения собственной точки зрения.

* В данной статье мы опираемся на результаты проведенного нами исследования эвристических стратегий аргументации, суммированные в монографии «Эвристика аргументации (лингвокогнитивное исследование)». — М.: Издательство ГЕОС, 2010. — 296 с.

В настоящей статье мы обратимся к рассмотрению некоторых особенностей публичных выступлений судебных деятелей, так как их речь принято считать наиболее близкой к образцам ораторского дискурса, особенно в части использования ораторских приемов и аргументации. Особый интерес для нас представляет реализация модуса оценки в аргументации публичных выступлений судебных деятелей.

Вопрос заключается в том, насколько аргументация (и, в частности, реализация оценочного модуса в аргументации) публичного выступления судебных деятелей вне зала судебных заседаний¹ коррелирует с основными параметрами выступлений в рамках судебного дискурса. Рассмотрение данного вопроса проводилось на базе сопоставления с основными характеристиками судебного дискурса (такими как аргументация и оценка), для чего привлекались результаты исследовательских работ по указанной проблематике и что выводит настоящую статью в русло кросс-жанровых исследований.

Традиционно являясь предметом исследований в философии и логике, аргументация рассматривается как интеллектуальная деятельность «по поиску оснований и доводов, их анализу и отбору, планомерному рассмотрению альтернативных версий с их проверкой и оценкой логических следствий, с выбором наиболее эффективных решений, а также наиболее убедительных для адресата средств обоснования» [Теория и практика аргументации 2001, с. 3].

Безусловно, отличительным признаком аргументации является логичность, проявляющаяся в аргументативном дискурсе. Вместе с тем, исследователями отмечается, что высшие требования определенности и строгости предъявляются исключительно к логическим и математическим доказательствам [Теория и практика аргументации 2001, с. 3]. Другими словами, логическая аргументация, применяемая преимущественно в логике и математике, приравнивается к логическому доказательству. В иных случаях — ситуациях повседневного общения, политических дебатах, судебных разбирательствах, публичных выступлениях и т.п.— аргументация приобретает несколько иной характер и понимается скорее как «приведение доводов с целью изменения позиции или убеждений другой стороны (аудитории)» [Ивин 2002, с. 6].

Принимая за основу данное определение, исследователи судебного дискурса подчеркивают, что «применительно к юридическому (судебному) дискурсу это еще

¹ Здесь имеются в виду различные общественные мероприятия, предполагающие выступление оратора перед достаточно большой и организованной аудиторией.

и убеждение оппонентов в своей правоте» [Бачалишвили 2013, с. 170].

Профессиональная деятельность юриста предполагает умение четко и убедительно изложить свою точку зрения в суде, обосновать судебное решение, а также отстаивать правомерность своей позиции по вопросу, связанному с профессиональной проблематикой, в научной дискуссии. Таким образом, исследователи юридического дискурса отмечают, что юридический дискурс, как судебный, так и научный, является «строго аргументативным» [Климович 2015].

Схожесть основной коммуникативной цели судебной аргументации и аргументации публичных выступлений — убедить партнера / партнеров по коммуникации в правомерности позиции оратора, заставить оппонента изменить его точку зрения, добиться расположения противоположной стороны — позволяет утверждать, что принадлежностью как судебного дискурса, так и дискурса публичных выступлений является *риторическая аргументация*.

Как отмечает А.А. Волков, «риторика строит норму публичной аргументации, задает правила политической и судебной дискуссии», устанавливая норму «словесной организации убеждающих аргументов» [Волков 2009, с. 7, 8].

Риторическая аргументация, в отличие от логической, ориентирована на аудиторию и ее представления об окружающей действительности [Куликова 2007]. Современные философы видят конечную цель риторической аргументации в том, чтобы «убедить аудиторию в справедливости предлагаемого ее вниманию положения, склонить ее к принятию этого положения и, возможно, к действию, предполагаемому им» [Ивин 2002, с. 8], подчеркивая, что «риторические аргументы в принципе не доказывают и не манипулируют — они убеждают, т.е. побуждают добровольно принять предлагаемое решение или идею при наличии или принципиальной возможности иных решений, которые могут быть столь же правильными. Риторическая аргументация не обладает принудительной силой доказательства» [Волков 2009, с. 13–14].

Среди факторов, лежащих в основе риторической аргументации (аудитория/адресат, ситуация общения, выбор уместных и убеждающих аргументов, комплекс убеждений, разделяемых аудиторией и позволяющих ей принять доводы аргументирующего [Grasso 2002]), ведущим является фактор адресата, обуславливающий специфику критериев, которым должна соответствовать риторическая аргументация.

В свете рассмотрения вопросов, связанных с ролью модуля оценки в аргументации судебного дискурса и дискурса публичных выступлений, отметим два¹ критерия риторической аргументации, предполагающих наличие в аргументативной цепочке *оценочных аргументов*.

В первую очередь, к данным критериям относится *критерий приемлемости*, предполагающий «обязательную опору на систему взглядов и ценностей аудитории в процессе аргументирования» [Куликова 2010, с. 42], что придает убедительность аргументам и обеспечивает необходимый коммуникативный эффект, достигаемый, прежде всего, за счет включения в дискурс аргументов *оценочного* характера.

Следующий критерий риторической аргументации — это *критерий релевантности*, предполагающий размещение частей аргументации, коррелирующих с системой ценностей аудитории, в фокусе внимания реципиентов, что минимизирует усилие реципиента, направленное на обработку представленной в аргументативном дискурсе информации, и активизирует соответствующие взгляды и убеждения аудитории. Данный критерий риторической аргументации также предполагает обращение к *оценочным аргументам*, способным вызвать адекватную, чаще всего, запланированную, реакцию адресатов аргументации оратора.

Обязательный учет ценностей, убеждений и настроений аудитории составляет основу посылок аргументации, среди которых выделяют:

- ◆ иерархическую систему ценностей и предпочтений аудитории (их базовая характеристика — неустойчивость и изменчивость),
- ◆ систему достаточно устойчивых представлений аудитории (реальные факты, которые не имеет смысла опровергать),
- ◆ общепризнанные истины, ориентированные на изменчивые предпочтения или трудно прогнозируемые ценности, присущие аудитории [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1958].

В судебном дискурсе основу ценностной картины мира составляет признание закона и закрепление социальных традиций, «зафиксированных в систематизи-

¹ Помимо упоминаемых здесь критериев приемлемости и релевантности, исследователями выделяется еще один критерий риторической аргументации, не являющийся предметом рассмотрения в настоящей статье, — это критерий достаточности, «подразумевающий, что аргументация должна содержать достаточно информации для того, чтобы аудитория могла произвести оценку обсуждаемого объекта или состояния дел на основе непредвзятой точки зрения, излагаемой адресантом. Кроме того, от говорящего требуется привести такое количество аргументов, которое позволит аудитории решить, что предлагаемый вывод вполне обоснован» [Grasso 2002, с. 55]; [Куликова 2010, с. 42–43]

рованном знании законов общества» [Климович 2015, с. 4].

По мнению А. Черниковой, «в юридическом дискурсе самым главным субъектом правовой оценки выступает государство, от имени которого издаются законы. Все прочие субъекты соизмеряют свою оценку с суждениями этого субъекта, поскольку если оценка существенным образом не совпадает с нормами закона, ее нельзя признать правомерной. В связи с этим даже те оценки, которые судебный оратор предлагает от себя, позиционируются как объективные, общепринятые, опирающиеся на правовые, или хотя бы морально-этические нормы, принятые в обществе» [Черникова 2009].

По наблюдению некоторых исследователей, в судебном дискурсе превалирует отрицательная оценка, что объясняется, во-первых, психической предрасположенностью человека считать хорошее нормой, и во-вторых, спецификой общения в судебной сфере, «где положительная оценка нередко вызывает недоверие и подозрение в лицемерии» [Черникова 2009]. Кроме того, ученые отмечают преобладание в судебном дискурсе рациональной оценки над эмоциональной. И наконец, из всего спектра оценок для юридического дискурса наиболее характерными являются психологические, этические и нормативные оценки, при этом в судебных выступлениях наиболее частотными оказываются психологические (*рассудительный человек, жесткий характер, теплое сочувствие и пр.*) [Черникова 2009].

Возвращаясь к вопросу реализации оценочного модуля в аргументации, подчеркнем, что в риторической аргументации понятия ценности и, соответственно, оценки являются центральными и обуславливают ориентированность риторической аргументации на реципиента. В подтверждение данного положения, приведем мнение Н.Д. Арутюновой, которая, со ссылкой на Стивенсона, указывает, что «оценка ...предназначена для воздействия на адресата» и «отражает не собственно семантический, а прагматический аспект языковой ситуации» [Арутюнова 1988, с. 44].

Таким образом, оценка относится к разряду коммуникативно-прагматических явлений². Это значит, что понимание оценок возможно только в рамках контекста, послужившего их основанием. Для оценки характерна практически полная контекстуальная за-

² Некоторые исследования содержат концепцию модуля как результата взаимодействия адресанта и адресата (см., например [Копытов 2012, с. 12]), что указывает на коммуникативно-прагматическую природу оценки как интегративной части оценочного модуля.

висимость. Как отмечает Е. М. Вольф, «в мире оценок действует не истинность относительно объективного мира, а истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникации [Вольф 2002, с. 203], то есть оценка структурирует и отражает ценностную картину мира коммуникантов. Процедура оценки в аргументации связывается с понятием точки зрения, так как от точки зрения зависит, какая именно ценность будет придана оцениваемому объекту, т.е. в результате перемены точки зрения (или перспективы) объект может предстать в совершенно ином свете [Grasso 2002. с. 54].

Контекст, формируемый оценкой, характеризуется такими признаками, как аксиологичность; экспликация оценки; обоснование выбора; принятие решения; непротиворечивость текста, основанного на оценке; прагматическая направленность, которой отводится особая роль в процессе коммуникации [Куликова 2010, с. 226]. Включение в аргументацию оценочных высказываний создает контекст эксплицитной оценки. При этом в исследованиях оценки и способов ее дискурсивной реализации отмечается, что оценка присутствует практически в любом тексте — в явной или неявной форме [Вольф 2002]; [Ивин 2002]; [Рябцева 2005].

Оценочный контекст публичного выступления, аналогично выступлению в суде, может быть как эксплицитным, открыто воздействующим на партнера по коммуникации, так и имплицитным, содержащим скрытую оценку.

Здесь необходимо отметить, что исследователи выделяют два типа аргументации: эпистемическую, основанную на знаниях, и диалектическую, применяемую тогда, когда в распоряжении аргументирующего отсутствуют доводы, основанные на точных знаниях [Walton 1993]. Если в основе диалектической аргументации заложен оценочный контекст, то эпистемическая аргументация строится на базе эпистемического контекста, центральными понятиями которого выступают знание и мнение, демонстрирующие довольно тесную взаимосвязь [Куликова 2010, с. 232]. Эксплицитный эпистемический контекст реализуется в аргументативном дискурсе прежде всего за счет включения в текст аргументации эпистемических предикатов. Имплицитный эпистемический контекст формируется на основании информации, приводимой оратором в подтверждение аргументации и служащей обоснованием его точки зрения. Формально это безоценочный контекст, содержащий «нейтральную» информацию, составляющую основу аргументов оратора, не стремящегося выразить в них свое отношение к сообщаемому.

Как показывает анализ эмпирического материала, модус оценки в аргументации публичных выступлений судебных деятелей обнаруживает активное взаимодействие с эпистемическим модусом, что создает оценочно-эпистемический контекст развертывания аргументативного дискурса.

В основе создания имплицитного оценочно-эпистемического контекста лежит использование в качестве аргументов информации, за которой в общественном сознании закреплена оценка со знаком «плюс» или «минус» [Куликова 2010, с. 240]. Автор аргументации уверен, что привлекаемые им в качестве аргументов объективные данные, а также хорошо известные и доступные широкой публике сведения, будут оценены аудиторией в соответствии с принятыми в обществе нормами. В таких аргументах отсутствует явно выраженная модальность. Подобная аргументация часто строится с опорой на фоновые знания аудитории, составляющие систему «общих» знаний, формирующих прагматический универсум дискурса [Лузина 2000], что позволяет оратору добиться запланированного им коммуникативного эффекта.

Сочетание эксплицитной оценки с мнением (но не фактами, представляющими знание) образует эксплицитный оценочно-эпистемический контекст аргументативного дискурса [Куликова 2010, с. 246]. В большинстве случаев именно мнение, вводящее оценочное суждение, выполняет роль промежуточного звена между эпистемическим и оценочным контекстами.

Поскольку публичное выступление представляет собой значительный по протяженности текст, мы проиллюстрируем приведенные выше положения отдельными фрагментами аргументации судебных деятелей, выступавших за рамками судебного процесса.

Проведенный анализ текстов публичных выступлений, содержащих аргументацию, в целом, показал сходство аргументации публичных выступлений, принадлежащих одному и тому же автору (в нашем случае это судебный деятель высокого ранга — лорд главный судья Англии и Уэльса, председатель отделения королевской скамьи Высокого суда правосудия¹), с основными характеристиками судебного аргументативного дискурса, такими как четкая структурная организация, сдержанность тона и преобладание рациональной аргументации над эмоциональной. При этом дискурсивная реализация оценочного модуля аргументации публичных выступле-

¹ англ. Lord Chief Justice of England and Wales THE RT HON. THE LORD THOMAS OF CWMGIEDD (Cwmgiedd is a village in the community of Ystradgynlais, Powys, Wales. It is 32.8 miles (52.8km) from Cardiff and 156.9 miles (252.4km) from London) [17].

ний отличается сочетанием практически всех типов контекста, рассмотренных выше. Например, в выступлении¹ лорда главного судьи на заседании в Банке Англии присутствуют аргументы, в основе которых лежит **имплицитный оценочно-эпистемический** контекст:

A-1². Law and regulation now by and large operate, though with exceptions that need ironing out, as a coherent whole. However, prior to 1982, apart from statutory regulation directed largely at solvency, and save where the criminal law intervened, or in the few disciplinary proceedings that took place, the power of regulation was effectively the ability of the chairs of City institutions, such as Lloyd's or the Stock Exchange, and the Governor of the Bank, to remove from the system those whose conduct...

В основе данного аргумента, который оратор приводит в поддержку идеи о необходимости укрепления системы законодательства, применяемого в банковской сфере,— факты, хорошо известные присутствующим на заседании. Выступающий открыто не выражает своей оценки современного состояния дел по сравнению с тем, что было раньше, за исключением сдержанной одобрительной характеристики современной системы — *a coherent whole*, что в данном контексте приобретает положительную коннотацию и придает оценке автора имплицитный характер. В целом же, слушатели, посвященные в суть проблемы, могут самостоятельно оценить представленную информацию, в отношении которой в общественном сознании закрепились оценка со знаком «минус». Кроме того, на вербальном уровне к отрицательной оценке состояния дел до 1982 года слушателей «подводит» союз *“however”*, выступающий сигналом противопоставления ситуации до 1982 г. и после.

Аргументы публичного выступления часто строятся с опорой на **имплицитный эпистемический контекст**, когда говорящий предполагает, что приводимые им данные найдут адекватную оценку публики. Когнитивным основанием создания имплицитного эпистемического контекста служат так называемые «общие знания», разделяемые оратором и слушателями, а также единство системы мнений и оценок выступающего и его аудитории. В качестве подобных аргументов часто ис-

¹ Выступление посвящено вопросам укрепления правоохранительной системы страны, а также необходимости уделять больше внимания этическим проблемам в сфере законодательства и правоохранения и обеспечению ее целостности, что и является главным тезисом аргументации оратора [<https://www.judiciary.gov.uk/announcements/speech-by-the-lord-chief-justice-worthy-of-trust-law-ethics-and-culture-in-banking>].

² Так как в рамках статьи не представляется возможным привести весь текст достаточно объемного выступления, мы включаем в рассмотрение лишь отдельные аргументы, сохраняя при этом оригинальную нумерацию частей текста.

пользуются примеры (известные факты, события и т.п.) без эксплицитно выраженного авторского отношения:

A-7. Let me take the late Mr Robert Maxwell as an example of the importance of trust and the limits of regulation. In a report published in 1971, Inspectors appointed by the predecessor of the Department of Business had concluded that he was not a person who could be relied upon to exercise proper stewardship of a publicly quoted company. In 1988, when Mr Maxwell applied to the then regulator to be the chairman of the investment managers of the pension fund, he was approved. The distinguished chairman of the regulator was recorded as observing that it was “a pity that we could not exclude that crook”. He was in effect driven to that view because Mr Maxwell was the kind of man who would have challenged the regulator in court and a regulator cannot act without hard evidence <...>.

Следующий аргумент в поддержку тезиса построен на основе **контекста эксплицитной оценки**, где автор, прибегая к использованию однокоренной лексики оценочного характера, открыто дает неодобрительную характеристику правовой системе, установившейся между 1982 и 2000 годами:

A-6. ...However, the system established between 1980 and 2000 of law and regulation was shown, by the financial crisis, to be *inadequate*. Much essential work has been done to address *inadequacies* and to make the system work more effectively.

Эксплицитный эпистемический контекст реализуется за счет дискурсивного воплощения предикатов знания, мнения, воли и т.д. Признаки эксплицитного контекста находим в следующем аргументе:

A-9. But strengthened it must be, for, as I have explained, law and regulation are not enough. There is a further imperative: markets are increasingly driven by innovation. <...> A by-product of innovation is that it takes time for law and regulation to catch up. In our common-law world (and I cannot stress enough the importance of the Common Law), we can move forward more rapidly through our case law, but such development must await disputes which may take time to arrive in the courts.

Далее этот же аргумент содержит эксплицитное выражение отношения автора к предмету обсуждения, что составляет основу **контекста эксплицитной оценки**:

Were we to depend on regulation, it is inevitable that time is needed to agree on the principles applicable to an innovative product. *Over-zealous or premature* regulation

can *stifle* innovation. There is therefore a second reason for the development of ethical standards.

Таким образом, с точки зрения дискурсивной реализации модуля оценки приведенный выше аргумент представляет собой неоднородный фрагмент текста, основанный на эксплицитном оценочно-эпистемическом контексте, что типично для дискурса публичных выступлений (аналогично аргументу А-1).

Присутствующие в данном дискурсе типы контекста, составляющие основу аргументов, в совокупности формируют оценочно-эпистемический контекст с преобладанием эпистемического компонента, что, с одной стороны, создает эффект объективности и беспристрастности выступления, а с другой — свидетельствует о заинтере-

сованном, не безразличном отношении выступающего к проблеме, отражая его отношение к предмету выступления (тем самым реализуя оценочный модус). Данная тенденция соответствует классическим канонам, следование которым принято в аргументации судебных выступлений, — преимущественная опора на факты и другие объективные данные, привлекаемые в качестве аргументов, сдержанность в выражении оценки с целью продемонстрировать объективность и беспристрастность выступающего в сочетании с сочувственным отношением к подзащитному (или осуждающим — к обвиняемому).

Представляется, что проведенный анализ позволяет наметить перспективу в области кросс-жанровых исследований, а также подробного изучения жанрового поведения адресанта в различных типах дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт — М.: Наука, 1988. — 341 с.
2. Бачалишвили О. В. Аргументация как речевое действие в судебном дискурсе. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/argumentatsiya-kak-rechevoe-deystvie-v-sudebnom-diskurse>
3. Ивин А. А. Риторика: искусство убеждать. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. — 304 с.
4. Волков А. А. Теория риторической аргументации. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2009. — 398 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.
6. Климович О. В. Средства речевого воздействия в судебном дискурсе. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/pdf/16729.pdf>
7. Копытов О. Н. Модус на пространстве текста: монография. — Хабаровск: Изд-во ХГИИК, 2012. — 299 с.
8. Куликова О. В. Интенциональность как мотивационная основа риторической аргументации // Профессиональное общение: когнитивно-функциональный аспект. — Ч. 1. — М.: Рема, 2007. — 224 с. (Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 519. Серия Лингвистика) — С. 3–6.
9. Куликова О. В. Эвристика аргументации (лингвокогнитивное исследование). — М.: Изд-во «ГЕОС», 2010. — 296 с.
10. Лузина Л. Г. Виды информации в дискурсе // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарн. науч. — информ. исслед. Отдел языкознания. Редкол.: Ромашко С. А., отв. ред. и др. — М., 2000. С. 137–151.
11. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. — М.: Academia, 2005. — 640 с.
12. Теория и практика аргументации. Сборник научных трудов / РАН. Ин-т философии, отв. Ред. И. А. Герасимова. — М., 2001. — 182 с.
13. Черникова А. Специфика оценочных аргументов в разных видах дискурса. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusnauka.com/6_NiTSB_2009/Philologia/41508.doc.htm
14. Grasso F. Towards a framework for rhetorical argumentation // Proceedings of the 6th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue (EDIALOG-2002) / Ed. by J. Bos, M. E. Foster, C. Matheson. — Edinburgh, UK, 2002. — P. 53–60.
15. Perelman Ch., Olbrechts –Tyteca L. Traite de l'argumentation. La nouvelle rhétorique. — P.: Press univ. de France, 1958. — 734 p.
16. Walton D. Alethic, Epistemic and Dialectical Models of Argument // Philosophy and Rhetoric. — Vol. 26, № 4, The Pennsylvania State University, University Park, PA, 1993. — P. 302–310.
17. <http://findwords.info/term/cwmgiedd>
18. <https://www.judiciary.gov.uk/announcements/speech-by-the-lord-chief-justice-worthy-of-trust-law-ethics-and-culture-in-banking>

© Куликова Ольга Викторовна (ok517@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»